

Внешняя политика Турции в постбиполярной системе координат

Павел Вячеславович Шлыков, ИСАА МГУ, Москва, Россия

Контактный адрес: shlykov@iaas.msu.ru

АННОТАЦИЯ

Внешняя политика Турции в первое десятилетие после распада биполярной системы сохраняла черты преемственности в сравнении со временем холодной войны: неизблемыми для нее оставались кемалистские принципы лаицизма и выбор в пользу дальнейшей вестернизации, ориентация на сотрудничество с ЕС и евроатлантическими структурами.

Однако постбиполярный период продемонстрировал существенные изменения внешнеполитического курса Турции. Существующие объяснения этого феномена зачастую отталкиваются либо от апелляции к исламской идентичности Партии справедливости и развития как основной причине произошедших изменений, либо от подходов, во главу угла которых ставятся экономические интересы Турции и в рамках которых акцентируется внимание на попытках Турции укрепить экономическую взаимозависимость с соседями по региону. Учитывая усложняющийся характер взаимосвязи внутренней и внешней политики и все более подвижные характеристики международной среды, представляется, что анализ внешней политики Турции в постбиполярный период требует альтернативного концептуально-методологического подхода, который позволял бы рассматривать изменения турецкой внешнеполитической линии с учетом сразу трех измерений. В этой статье автор прибегает именно к такому подходу. Он включает в себя изучение внутренней политики, международного контекста и трансформацию идейного и институционального обеспечения внешней политики. При таком подходе становится возможным объяснить логику «неожиданных» переориентаций Турции от сотрудничества с ЕС и западными странами в целом к попыткам закрепить свою ведущую роль на Ближнем Востоке и утвердиться в роли регионального гегемона по отношению к ситуативным альянсам с различными государственными и негосударственными игроками в более широком международном контексте.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

внешняя политика Турции, Ближний Восток, отношения Турции с США и ЕС, азиатский поворот, российско-турецкие отношения

Причудливые повороты и неожиданные зигзаги внешнеполитического курса Турции за последние два десятилетия стали объектом пристального внимания не только специалистов и мировых СМИ, но и широкой аудитории. Растущий интерес, с одной стороны, породил множество версий, объясняющих замысловатые траектории внешней политики Анкары, каждая из которых предлагала свой набор ключевых детерминант; с другой – серьезно исказил само понимание преемственности и трансформации внешней политики в турецком контексте.

Окончание холодной войны не вызвало революционных изменений во внешнеполитическом курсе Анкары, который на протяжении 1990-х гг. оставался верен кемалистским принципам с их приматом лаицизма и вестернизации, определявшим прозападную в целом ориентацию Турции на протяжении большей части ее новейшей истории. Однако в 2000-е гг. с приходом к власти в стране Партии справедливости и развития (ПСР) Р. Эрдогана¹ традиция кемалистской внешней политики пресеклась² и стал наблюдаться процесс ее «ускоренной либерализации», главным драйвером которого выступало стремление получить статус полноправного члена ЕС³. При этом уже к концу 2000-х гг. во внешней политике Анкары наметились новые акценты, на первый план вышла идея исламской идентичности Турции⁴, что отразилось на самопозиционировании страны и ее международной повестке.

Очевидные перемены во внешнеполитическом курсе «Новой Турции» (так в 2000-е гг. стали именовать режим Р. Эрдогана, подчеркивая революционность проводимой им социально-политической трансформации, по аналогии с «Новой Турцией» К. Ататюрка⁵) вызвали волну споров о смене вектора и ориентации внешней политики Анкары. В СМИ и академических изданиях с конца 2000-х гг. все чаще стали звучать утверждения о «переориентации Турции на Восток» или, как в своей статье поэтично сформулировал А. Коэн, «расставании с Западом»⁶, а также о «неоосманской» политике Турции⁷. С легкой руки Т. Огузлу даже появился термин «ближневосточная ориентация» (*Middle Easternization*) внешней политики Турции⁸, вызвавший критику в профессиональном сообществе из-за спорности авторской аргументации, поскольку перемены курса по большей части состояли в наращивании активности по периметру собственных границ, что, как справедливо отмечали некоторые исследователи, «противоречит сути тезиса о смене ориентации»⁹.

Существующая научная литература по-разному трактует природу флуктуирующей и часто трудно предсказуемой внешней политики Турции, выделяя порой взаимопротиворечащие факторы в качестве ее детерминант. Так, одна из наиболее распространенных трактовок акцентирует внимание на исламском

1 ПСР выиграла парламентские выборы 2002 г., получив возможность сформировать однопартийное правительство. С этого времени партия Р. Эрдогана удерживала власть в стране, побеждая на всех последующих выборах.

2 Sözen 2010, 103–123; Стародубцев 2011, 160–165; Надеин-Раевский 2013, 84–92.

3 Кудряшова 2010; Гаджиев 2020.

4 Kılınç 2006, 67–88.

5 Знаменитая 36-часовая речь Кемаля Ататюрка 1927 г. в свое время вышла в переводе на основные европейские языки под заголовком «Путь Новой Турции».

6 Cohen 2010, 25–35.

7 Onar 2009, 229–241; Дружиловский, Аватков 2013, 73–88.

8 Oğuzlu 2008, 3–20.

9 Başer 2015, 304–305.

(или «исламистском») характере режима Р. Эрдогана. Доминантой усиливающейся исламской идентичности объясняется и антиамериканизм, и выпады против Израиля¹. Однако исламская идентичность ПСР и «исламистское происхождение» лидеров «Новой Турции» не помешало правительству ПСР в 2000-е гг. быть «одним из самых прозападных в истории страны»². Почему же исламская идентичность в 2000-е гг. не мешала следовать прозападному курсу, а в 2010-е гг. стала причиной радикального пересмотра внешней политики? И правильно ли связывать смену курса исключительно с приходом к власти эрдогановской ПСР в 2002 г.?

До последнего времени большинство исследований по внешней политике Турции характеризовались акцентом на событийной составляющей, «спорах и стратегических альянсах», что роднило их с классическими трудами по политической истории. Пионерами концептуального осмысления внешней политики Турции и ее изучения сквозь призму теории международных отношений выступили работы М. Гёнюлюболя, Ф. Сёнемезоглу, У. Хейла³. При этом работы, использующие инструментарий внешнеполитического анализа, преимущественно исходили из примата внутривнутриполитических факторов как главных детерминант внешнего курса Анкары. Подобный внутривнутриполитический детерминизм можно увидеть и в обширном «Анализе внешней политики» Ф. Сёнемезоглу, и в «Турецкой внешней политике, 1919–2008» Х. Чакмака, и в работах М. Мюфтюлер-Бач, В.А. Надеина-Раевского, И.И. Ивановой, С.Б. Дружиловского, Н.Г. Киреева⁴, которые хронологически разделяли внешнеполитический континуум на периоды пребывания у власти той или иной партии. Руководствуясь такой логикой, некоторые исследователи (например, М. Кара и А. Сёзен) отмечали принципиальные отличия внешней политики Турции «до ПСР» и «после» ее прихода к власти даже с точки зрения «концепции национальной роли»⁵, то есть исторически сформировавшихся представлений о том, как именно должна вести себя страна.

Стремление связывать перемены во внешнеполитическом курсе со сменами правительства вступает в очевидное противоречие с распространенным тезисом о детерминирующей роли кемалистской идеологии, выступающей константой для внешней политики вне зависимости от состава правительства, фигуры премьера и идейных предпочтений правящей партии. Об этом писали в 1990-е и 2000-е гг. Б. Крисс и Ф. Кейман⁶, поскольку сфера внешней политики в Турции долгое время оставалась относительно изолированной от партийной жизни. Считалось, что столь ответственная область национальных интересов не может быть заложником межпартийных противоречий и ценностно-идеологических коллизий. Как справедливо отмечает создатель самого масштабного исследования по внешней политике республиканской Турции Б. Оран, «безотносительно того, какая партия в конкретный момент была правящей, консервативная но-

1 Çağaptay 2009; Киреев 2015, 229–240.

2 Dahlman 2004, 553–574; Özer-İmer et al. 2013, 218–251.

3 Gönülböl 1996; Sönmezoglu 1994; Sönmezoglu 2006; Hale 2012; Ercan 2017; Yalvaç 2014, 117–138; Yeşilyurt 2017, 65–83.

4 Sönmezoglu 1994; Çakmak 2008; Müftüler-Baç 2011, 279–291; Киреев 2007; Стародубцев 2011, 160–180; Надеин-Раевский 2013, 84–92; Дружиловский, Аватков 2013, 73–88; Иванова 2019.

5 Kara, Sözen 2016, 47–66.

6 Criss 1997; Keyman 2007, 215–234; Turunç 2011, 535–546.

менклатура внешнеполитических ведомств стояла на страже статус-кво, старалась придерживаться принципа благоразумного невмешательства»¹, особенно в конфликты на Ближнем и Среднем Востоке², и поддерживать существующий баланс сил на региональном уровне.

В свою очередь, попытки объяснить перемены во внешнеполитическом курсе исключительно сменой правительства и приходом к власти новой партии, по сути, подразумевают изолированность Турции от воздействия меняющейся региональной и глобальной конъюнктуры, которая становится лишь фоновым фактором и постулирует прямую зависимость внешнеполитического целеполагания от идеологических предпочтений правящей элиты. Кроме того, такой идеоцентричный подход на самом деле не может объяснить ни преемственности, ни перемен внешнеполитического курса, что прекрасно иллюстрирует ключевой для внешней политики Турции процесс переговоров с Брюсселем. Так, заявку на вступление в объединенную Европу в 1987 г. подало правоцентристское правительство Партии Отечества Т. Озала, соглашение о Таможенном союзе с ЕС в 1995 г. заключало правительство Т. Чиллер, лидера либеральной Партии верного пути, статус страны-кандидата на Хельсинкском саммите 1999 г. получала делегация правительства Б. Эджевита, председателя левоцентристской Демократической левой партии. А реформы для соответствия Турции Копенгагенским критериям уже проводили в жизнь правительства А. Гюля и Р. Эрдогана, создателей консервативной происламской Партии справедливости и развития. В итоге разница идеологических платформ никак не помешала сохранению курса на интеграцию с Европой. Все правительства Турции безотносительно их идеологической ориентации придерживались курса на вступление в ЕЭС/ЕС с 1980-х гг. И правительство ПСР не было исключением.

Не может такой подход объяснить и смену парадигмы внешней политики в рамках периода правления одной и той же партии. Тот же пример динамики развития отношений с ЕС и «европейского проекта» это хорошо иллюстрирует. Так, правительство ПСР до середины 2000-х гг. активно работало над приведением Турции в соответствие с Копенгагенскими критериями и активно расширяло сферы кооперации с ЕС. Однако уже с конца 2000-х гг. возобладали прямо противоположные тенденции, которые к середине 2010-х гг. выкристаллизовались в резко негативный по отношению к Западу в целом и ЕС в частности курс. И лозунг «Турция – ключ к Европе», и грозные инвективы в адрес «западных лидеров – врагов ислама», – все это было характерно для ПСР, только в разное время. Правительство Эрдогана в свое время ускорило евроинтеграцию Турции, и именно правительство Эрдогана осознанно пошло на ее замораживание.

Еще одним распространенным подходом к объяснению внешней политики Турции, особенно ее возросшей активности на региональном уровне, выступала «либеральная парадигма», набравшая популярность в 2000-е гг. Центральный тезис о доминанте демократизации и либерализации подчеркивал выдвигание на передний план экономических инструментов, прежде всего развития торго-

1 Oran 2006–2013.

2 Gözen 1998, 1343–1360.

вых отношений с соседними странами, по меткому выражению К. Киришчи – превращение Турции в «государство-купца»¹. На рубеже 2000-х и 2010-х гг. в обиход вошли и другие емкие эпитеты-характеристики внешней политики Турции, самым распространенным из которых стало понятие «проактивности»². Однако объяснительный потенциал таких подходов оказался ограниченным. Во-первых, либеральные ожидания не оправдались: Турция не сумела выстроить региональную политику на принципах взаимодополняемости и сопряжения интересов, не удалось и продвинуться в разрешении таких острых внешнеполитических коллизий, как отношения с Арменией или «кипрский вопрос». Во-вторых, уже в 2010-е гг. для внешней политики первичное значение обрели вопросы безопасности на фоне разочарования в эффективности «мягкой силы», иными словами, возобладал классический реализм.

Конструктивистские подходы к интерпретации внешней политики Турции, делающие акцент на исламистской политической идентичности ПСР, тоже не смогли стать универсальным аналитическим инструментом. Объясняя рост активности Турции на Ближнем Востоке проявлением «неоосманизма»³, «панисламизма»⁴ или «мусульманской солидарности» ПСР⁵, часто упускалось из внимания, что во многом этот процесс был запущен еще до прихода к власти партии Р. Эрдогана. Не давал такой подход и ответа на вопрос, почему на протяжении 2000-х гг., когда у власти уже два срока подряд находилось правительство ПСР, отношения с Израилем во всех сферах – от экономики до безопасности⁶ – бурно развивались (и исламистская идентичность партии этому не препятствовала), а в 2009 г. Р. Эрдоган вдруг взялся за реализацию «секретной исламистской программы»⁷.

Таким образом, существующая научная литература по большей части не дает ключа к пониманию динамики внешней политики Турции, ее закономерностей и основных детерминант. Даже в тех случаях, когда в расчет берутся не только внутривнутриполитические факторы, но и изменения внешней конъюнктуры, часто упускается из виду следующий важный момент: Турция как «держава среднего уровня» в своих действиях нередко оказывается скованной интересами и политикой внерегиональных глобальных акторов. Сбрасывая со счетов это обстоятельство, не всегда можно постичь логику внешнеполитического курса Анкары.

Учитывая сказанное, представляется, что трансформация внешней политики Турции за три десятилетия после окончания холодной войны требует альтернативной системы координат, которая бы не становилась жертвой однофакторного подхода, а учитывала бы в комплексе противоречивость внешней и внутривнутриполитической динамики и международно-политический потенциал Турции. В представленной статье предпринимается попытка преодолеть редукционизм, характерный для ряда предшествовавших исследований и проанали-

1 Kirişçi 2009, 46.

2 Öniş, Kutlay 2013, 1409–1426.

3 Дружиловский, Аватков 2013, 73–88; Надеин-Раевский 2016, 22–31.

4 Özkan 2014, 119–140.

5 Kılınc 2006, 67–88; Keyman 2007, 215–234.

6 Иванова 2019.

7 Gunter, Yavuz 2007, 289–301; Gunter 2016, 123–135.

зировать изменения во внешней политике Турции после окончания холодной войны с учетом трех измерений: динамики внутренней политики, международного контекста и трансформации идейного и институционального обеспечения внешней политики.

Внешняя политика в 1990-е гг.: факторы сохранения преемственности курса

Окончание холодной войны и спровоцированные этим коренные изменения в глобальном и региональном балансе сил поставили перед Турцией, привыкшей к статусу «фланговой страны» на южных рубежах НАТО, принципиальные вопросы дальнейшей внешнеполитической стратегии. Распад СССР означал избавление от пресловутой «советской угрозы». У Турции больше не было общей границы с грозным «северным соседом», а влияние Москвы на соседние с Турцией бывшие «страны социалистической ориентации» резко снизилось. При этом перед Анкарой открывались заманчивые перспективы реализации своих интересов на постсоветском пространстве ввиду тесных культурно-религиозных связей с новыми независимыми республиками Южного Кавказа и Центральной Азии. Анкара достаточно быстро постаралась получить выгоду от открывшихся возможностей, установив дипломатические отношения и наладив тесное взаимодействие с тюркскими республиками, ранее входившими в состав СССР. Однако светлые перспективы омрачались тем, что в начале 1990-х гг. Турция пережила непростой момент крушения прежних внешнеполитических ориентиров, казавшихся незыблемыми.

Исчезновение СССР, как справедливо пишет известный специалист по международным отношениям М. Мюфтюлер-Бач, «заставило многих западных лидеров задуматься о будущем отношений с Турцией, поскольку ее роль по сдерживанию СССР, лежавшая в основе сотрудничества Запада с Анкарой в сфере безопасности, полностью себя исчерпала»¹. Очевидно, что подобный взгляд на Турцию как выпавшее звено западной системы международной безопасности означал неизбежную деградацию геополитической ценности Анкары для ее западных союзников, что в практическом плане не сулило ничего хорошего. Во-первых, это было чревато сокращением военной и экономической поддержки, а во-вторых, делало более уязвимой позицию Анкары по таким болезненным вопросам, как кипрское урегулирование или нарушение прав человека². При этом с окончанием холодной войны острота проблемы региональной безопасности для Турции не только не снизилась, но, наоборот, ощутимо возросла. Вспыхнувшие ранее региональные конфликты не пошли на спад, а набор горячих точек расширился за счет новых конфликтов (войны в Персидском заливе, Югославии, Нагорном Карабахе, Чечне).

Нарастающая региональная напряженность создавала очевидные угрозы безопасности как для Европы, так и для Турции. Ситуация осложнялась еще и тем, что исчез характерный для холодной войны баланс региональных сил, со-

1 Müftüleri-Bac 1996, 256–257.

2 Uslu 2004, 4–5.

ответственно, страны Ближнего Востока, Балкан и Центральной Азии существовали уже в иной системе координат, очертания которой до конца еще были не ясны. Для Турции положение усугублялось ростом сепаратистской активности Рабочей партии Курдистана (РПК) и выдвижением территориальных претензий со стороны Греции и Сирии, то есть «войной на два с половиной фронта», как метко сформулировал в своей статье известный турецкий дипломат Ш. Элекдаг¹. В свою очередь, Запад был озабочен негативными последствиями финансового кризиса в восточноевропейских странах, который угрожал экономическому климату в Западной Европе. Завершение биполярной эры, таким образом, не привнесло стабильности и создало немало новых проблем – как в экономике (необходимость экономической интеграции стран бывшего социалистического лагеря), так и в сфере безопасности (новые этноконфессиональные конфликты)².

В 1990-е гг. Турция переживала время часто сменяющихся друг друга слабых коалиционных правительств. В общей сложности состав кабинета министров менялся 9 раз, а руководство МИДа и того больше – 13. В этих условиях ни отдельно взятый глава правительства, ни министр иностранных дел не имели возможности на практике реализовать свои идеи и поэтому существенным образом не могли повлиять на ход внешнеполитического процесса. Даже первый в истории страны премьер-исламист Н. Эрбакан, выдвинувший концепцию «справедливого порядка» (*Adil Düzen*), не успел воплотить ее в жизнь, продержавшись на посту председателя правительства лишь год до своего фактического свержения в результате «постмодернистского переворота» 1997 г.

Кадровая чехарда в руководстве правительства привела к тому, что задачи по выработке и реализации внешней политики фактически решались не сменяющимися друг друга политиками, а бюрократией среднего звена – профессиональными дипломатами³, воспитанными в категориях классического реализма и концепции баланса сил в международных отношениях, но главное – следующими в фарватере кемалистской традиции с ее приматом прозападного курса. Консервативность взглядов кадровых дипломатов способствовала тому, что вопреки меняющейся внешней конъюнктуре Турция в целом двигалась в русле традиционной кемалистской внешней политики, поддерживая существующие альянсы и продвигая идею о важности Турции как гаранта региональной безопасности. Помимо позиционирования Турции как страны, разделяющей западные ценности и при этом находящейся вне зоны турбулентности, центральной идеей внешней политики в 1990-е гг. стал тезис о Турции как единственной стране Ближнего Востока, способной быть реальным союзником Запада, готовым совместными усилиями обеспечивать относительную стабильность в регионе⁴. В практическом плане такая позиция означала необходимость поиска возможностей для сопряжения интересов Турции и сотрудничества с Западом в сфере безопасности. Нередко такой союз вынуждал Турцию идти на невыгодные компромиссы.

1 Elekdağ 1996.

2 Gilpin 2001, 333–334.

3 Важно отметить, что Министерство иностранных дел Турции исторически стояло особняком в структуре органов власти за счет замкнутой кадровой политики (основной состав ведомства всегда составляли карьерные дипломаты) и опоры на давние, еще дореспубликанские, традиции.

4 Müftüler-Bac 1996, 256–257.

Так, поддержав западную коалицию против Ирака во время войны в Персидском заливе (1990–1991), Анкара фактически пожертвовала торгово-экономическими отношениями с Багдадом и получила неконтролируемый рост террористической активности РПК и леворадикальных группировок, устраивавших взрывы по всей Турции. В логику прозападной внешней политики 1990-х гг. вписывалось и налаживание тесного сотрудничества с Израилем, ставшим стратегическим партнером Анкары на Ближнем Востоке.

Опасения негативных последствий от утраты былого стратегического значения для Запада после окончания холодной войны подталкивало Турцию к активному развитию отношений с Европой. Из этого логически вытекало стремление к полноправному членству в общеевропейских международных структурах и готовность к расширению сотрудничества в самых разных сферах – от экономики до безопасности. В ЕС достаточно позитивно относились к идее взаимодействия с Турцией в вопросах безопасности, которое, как отмечалось в ставших ежегодными докладах Еврокомиссии по Турции, могло реализовываться «в рамках только что созданного Евро-средиземноморского партнерства, а также на Балканах и в Центральной Азии»¹. В 1995 г. Турция вошла в Таможенный союз с ЕС, а в 1999 г. получила статус страны-кандидата на вступление в ЕС, ради которого Анкара пошла даже на нормализацию отношений с Грецией по «кипрскому вопросу», который, наряду с обвинениями в масштабных нарушениях прав человека в Турции, был главным камнем преткновения в переговорах с Брюсселем.

Фактически в 1990-е гг. главным драйвером внешней политики Турции выступала евроинтеграция. Членство в ЕС как приоритет внешней политики, с одной стороны, соответствовал прозападной ценностной матрице профессиональных турецких дипломатов, с другой – не вызывал отторжения у большинства турецких политиков. При этом на изменения внешнеполитической конъюнктуры и новые вызовы постбиполярного мира Турция в 1990-е гг. давала привычные «ответы» времен холодной войны – укрепляла отношения с западными союзниками и убеждала их в стратегической значимости Турции в критически важных с точки зрения общеевропейской безопасности регионах: на Ближнем Востоке и в Центральной Азии.

Характер перемен во внешней политике Турции в 2000-е гг.

Первое десятилетие XXI в. для Турции прошло под знаком нарастающей по экспоненте активности США на Ближнем и Среднем Востоке. Теракты 11 сентября 2001 г. и последовавшая за ними война международной антитеррористической коалиции в Афганистане, а затем и вторжение США на территорию Ирака в 2003 г., – все это разрушило наметившийся в 1990-е гг. новый баланс сил в регионе. Парадоксальным образом в 2000-е гг. главным раздражителем для Турции выступало присутствие в регионе военного контингента главного

1 “Regular Report from the Commission on Turkey's Progress Towards Accession,” European Commission, 1998, pp. 51–52, accessed July 7, 2021, https://www.ab.gov.tr/files/AB_Iliskileri/Tur_En_Realitons/Progress/Turkey_Progress_Report_1998.pdf; “Turkey 2007 Progress Report,” European Commission, 2007, pp. 41–42, accessed July 7, 2021, https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/pdf/key_documents/2007/nov/turkey_progress_reports_en.pdf.

союзника – США, которое привело к формированию на севере Ирака курдской автономии, поскольку именно курды выступили главной опорой американцев. Для Анкары это означало появление нового триггера «курдского вопроса» в Турции и существенным образом осложняло любые внешнеполитические шаги.

До конца 2002 г., когда на парламентских выборах победу одержала ПСР Р. Эрдогана, продолжалась характерная для 1990-х гг. эпоха слабых коалиционных правительств. Кабинет Б. Эджевита, занявшего пост премьера в 1999 г., в целом придерживался прозападного курса (опора на НАТО и ЕС), важными элементами которого стала не только поддержка действий международной антитеррористической коалиции во главе с США, но и успехи в продвижении переговорного процесса с Брюсселем. Именно правительство Б. Эджевита запустило комплекс административно-политических преобразований, так называемые «пакетные реформы», для соответствия Турции Копенгагенским критериям после получения официального статуса страны-кандидата на Хельсинкском саммите 1999 г.

Приход к власти исламской консервативной ПСР, сформировавшей впервые с 1991 г. сильное однопартийное правительство, вопреки опасениям ряда аналитиков мало что изменил во внешней политике Турции, которая оставалась в фарватере кемалистского прозападного курса. Отчасти это объяснялось нехваткой собственных кадров для замещения ответственных постов в Министерстве иностранных дел. В правительстве Р. Эрдогана в 2000-е гг. на посту главы МИДа находились видные деятели ПСР: сначала А. Гюль (2003–2007), затем А. Бабаджан (2007–2009) и, наконец, А. Давутоглу (2009–2014). Ни А. Гюль, ни А. Бабаджан (оба экономисты по образованию) профессионально не занимались вопросами международных отношений. Профессор А. Давутоглу, хотя и был широко известен в академических кругах благодаря своим оригинальным идеям (его нашумевшая книга «Стратегическая глубина: международное положение Турции» увидела свет в 2001 г.), до назначения в 2003 г. главным советником Р. Эрдогана по внешней политике и получения в особом порядке ранга Чрезвычайного и Полномочного Посла не занимался практической дипломатической работой.

В таких условиях преодолевать инерцию сплоченной корпорации профессиональной мидовской бюрократии даже столь неординарным фигурам, как А. Давутоглу, было крайне затруднительно. Более того, внутри самой ПСР не наблюдалось полного единодушия в вопросах внешней политики, что показала история с голосованием в ВНСТ по использованию турецких военных баз для переброски американского контингента в Ирак. Достигнутые на уровне глав государств договоренности парламент фактически заблокировал¹.

Ситуация была примечательна с нескольких точек зрения: она показала рост антиамериканизма в политическом истеблишменте, невысокую партийную дисциплину и ограниченность возможностей для маневра у руководства ПСР

1 В марте 2003 г. законопроект, хотя и получил одобрение 264 депутатов, не был принят, поскольку совокупное число проголосовавших против (250) и воздержавшихся (19) оказалось на 5 голосов больше. Подробнее см.: "Turkey Upsets US Military Plans," BBC, March 1, 2003, accessed July 7, 2021, <http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/2810133.stm>. А фронт турецкого парламента был вызван, с одной стороны, опасениями депутатов-исламистов из правящей Партии справедливости и развития (ПСР), доминировавших в палате, с другой – протестом депутатов курдского происхождения, сочувствовавших иракским курдам и воздержавшихся от голосования.

в отстаивании своих внешнеполитических решений. Кроме того, она демонстрировала желание правительства резко не отказываться от прежнего прозападного курса, подтверждением чему служила довольно сдержанная риторика в отношении США по Ираку и разрешение на использование турецкого воздушного пространства, что, очевидно, объяснялось «опасениями оказаться за бортом послевоенного переустройства Ирака»¹. Однако все равно турецко-американские отношения дали трещину. Несмотря на обоюдное желание сглаживать возникающие проблемы, сотрудничество с США в сфере безопасности для ПСР представлялось трудно осуществимым ввиду расхождения по принципиальному для Турции «курдскому вопросу». Если для США иракские курды выступали главными союзниками, а курдская автономия на севере Ирака представлялась «наиболее стабильной частью страны»², то в Анкаре с обеспокоенностью наблюдали, как подъем курдского сепаратизма на севере Ирака, где у РПК имелись свои базы, стремительно распространялся на Турцию.

Апеллируя к тому, что США пришли в регион под лозунгом борьбы с международным терроризмом, Турция отчаянно пыталась привлечь США к противостоянию РПК, которую они признали террористической организацией еще в 1997 г.³ Не найдя достаточной поддержки в Вашингтоне, Анкара пошла альтернативным путем – стала укреплять взаимодействие по линии безопасности с ЕС в рамках европейской Общей внешней политики и политики безопасности (одной из «трех опор Евросоюза»), большинство деклараций которой Турция подписала к 2007 г.⁴ Фактически этот шаг стал отражением трансформации концепции национальной безопасности и нового видения оптимальных механизмов ее обеспечения.

В сближении с ЕС ярко проявился политический реализм Р. Эрдогана, который решал этим шагом сразу несколько проблем: с одной стороны, укреплял свои позиции внутри страны, поскольку демократизация в соответствии с Копенгагенскими критериями предполагала снижение влияния армии и военной элиты, принципиального противника усилившихся консервативно-исламистских сил, с другой – компенсировал неготовность США солидаризироваться с Турцией в борьбе против РПК. При этом не потребовалось делать резких внешнеполитических движений. К моменту прихода ПСР к власти вся инфраструктура сотрудничества с ЕС уже была налажена. Турция имела статус страны-кандидата с 1999 г., процесс реформ для соответствия Копенгагенским критериям был запущен в феврале 2002 г.⁵, логичным итогом стало официальное открытие переговорного процесса в 2004 г.

Ради вступления в ЕС и закрепления сотрудничества с Брюсселем по вопросам безопасности Анкара готова была пойти на серьезные компромиссы по бо-

1 Свистунова 2008, 84–85; Oktav 2011, 58–59.

2 Шлыков 2017а, 35–65.

3 “Foreign Terrorist Organizations,” US Department of State, accessed July 7, 2021, <https://www.state.gov/foreign-terrorist-organizations/>.

4 “Turkey 2007 Progress Report,” European Commission, 2007, pp. 75–76, accessed July 7, 2021, https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/pdf/key_documents/2007/nov/turkey_progress_reports_en.pdf.

5 “Avrupa Birliği Uyum Yasa Paketleri (European Union Harmonization Packages),” Ankara: The Republic of Turkey. The Office of Prime Minister. The Secretariat General for European Union Affairs, 2007, accessed July 7, 2021, <https://www.ab.gov.tr/files/pub/abuyp.pdf>.

лезненным для себя вопросам. Так, правительство Р. Эрдогана поддержало план К. Аннана по урегулированию «кипрской проблемы», который предполагал и вывод турецкого военного контингента с территории острова, и существенные территориальные уступки Греции.

Внешиполитическое хеджирование Турции не ограничивалось европейским направлением. Схожую логику можно было наблюдать и в Центральной Азии, выступившей полигоном практической реализации «турецкого евразийства»¹, и на Ближнем Востоке. Вызвавшие серьезные опасения в Турции успехи иракских курдов в создании автономного района подтолкнули Анкару к нормализации и развитию отношений с Сирией и Ираном². Ближний и Средний Восток на шкале внешнеполитических приоритетов Турции постепенно начал занимать все более значимое место. В 2000-е гг. Турция активно продвигала ближневосточную проблематику в рамках международных форумов, позиционируя себя в роли связующего звена между регионом Ближнего Востока и Европой. Наиболее заметным событием стала инициатива создания Альянса цивилизаций, с которой выступили Р. Эрдоган и его испанский коллега Р. Сапатеро в 2005 г.³ Турецкие власти предпринимали усилия, направленные на максимальное расширение географии политического участия Анкары в международных структурах. В 2005 г. Турция добилась статуса страны-наблюдателя в Африканском союзе и Лиге арабских государств, в 2008 г. стала стратегическим диалоговым партнером Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), а также присоединилась в 2010 г. к одному из основополагающих для АСЕАН Договору о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии и в 2012 г. получила статус диалогового партнера ШОС⁴.

Трансформация внешней политики Анкары в 2010-е гг.

Трансформацию внешней политики Турции в 2010-е гг. определили четыре фактора: последствия мирового экономического кризиса, «арабская весна», общенациональные протесты лета 2013 г. и попытка государственного переворота 2016 г. Мировой экономический кризис пошатнул доминирование США в мировой политике в целом и на Ближнем Востоке в частности. Б. Обама, ставший президентом в 2009 г., поспешил завершить слишком затратную войну в Ираке (американские силы формально были выведены в 2011 г.) и расставил новые приоритеты внешнего курса, одним из которых стал американский «Поворот к Азии». Снижение интереса США к Ближнему Востоку для Турции означало, что впредь США должны были меньше вмешиваться в дела ее ближнего зарубежья.

В свою очередь, охвативший Европу кризис суверенного долга, сначала затронувший периферийные страны ЕС (Греция, Ирландия), а затем распространившийся практически на всю еврозону, заставил ведущие страны Евросоюза

1 Шлыков 2017b, 58–76.

2 Öztürk 2015, 75–76.

3 “United Nations Alliance of Civilizations (UNAOC),” New York: United Nations Alliance of Civilizations, 2007, accessed July 7, 2021, <https://www.unaoc.org/who-we-are/>.

4 Шлыков 2019, 65–106.

сосредоточиться на решении внутренних проблем¹ и вызвал всплеск евро-скептицизма. Стремительно набиравшие популярность популистские партии Великобритании и Германии, ратовавшие за выход своих стран из ЕС², показали исчерпанность стратегии расширения ЕС. С одной стороны, привлекательность ЕС как оазиса стабильности и благополучия померкла, с другой – Брюссель все меньше проявлял интерес к вопросам глобальной политики, Ближний Восток отошел на периферию его интересов, а главной головной болью стал вопрос нелегальных мигрантов, давление которых на страны ЕС увеличивалось по экспоненте. Соответственно, Турция уже не могла рассчитывать на прежний масштаб взаимодействия с ЕС по вопросам региональной безопасности.

При этом напряженность по периметрам границ Турции в 2010-е гг. стремительно нарастала. Массовые протесты, охватившие практически все страны Ближнего и Среднего Востока в 2011 г. и приведшие к смене казавшихся неизблемыми режимов и гражданским войнам, непосредственно затронули Турцию. «Арабская весна» вызвала необходимость в спешном порядке проводить ревизию стратегии национальной безопасности и внешнеполитического курса. Гражданская война, охватившая соседнюю Сирию, вызвала небывалую волну беженцев, число которых уже к 2014 г. превысило 1,5 млн, а в 2020 г. достигло более 4 млн. Возникший в Сирии вакуум власти способствовал появлению курдской автономии на севере страны, ставшей питательной средой для боевиков РПК и других экстремистских группировок, которые резко увеличили свою террористическую активность в Турции. Выстроенная в 2000-е гг. модель отношений со странами Ближнего Востока в одночасье рухнула, поскольку ни прежние договоренности, ни возникшие за это время ситуативные альянсы не соответствовали стремительно изменившейся региональной конъюнктуре. Отношения с Израилем были испорчены, серьезные опасения вызывала возросшая активность Ирана³ и начавшаяся в 2015 г. военная операция России в Сирии на стороне режима Б. Асада.

Важнейшим драйвером трансформации внешней политики в 2010-е гг. выступили внутриполитические факторы, серьезным образом изменившие не только содержание внешнеполитического курса, но и механизмы его институционального воплощения, в результате чего все нити управления внешнеполитическим процессом сконцентрировались в руках одного человека – президента Р. Эрдогана. С конца 2000-х гг. Р. Эрдоган взялся за выстраивание жесткой вертикали власти и преодоление влияния как военной элиты, так и старой бюрократической номенклатуры. Отправной точкой этого процесса можно считать избрание в 2007 г. на пост президента А. Гюля, одного из ближайших соратников Р. Эрдогана, сооснователя ПСР. Впервые в истории страны пост главы государства занял политик с исламистским бэкграундом. Далее последовали масштабные судебные процессы против «кемалистской элиты» – представителей истеблишмента, не принявших режим Р. Эрдогана. Фигурантами громких дел («Эргенекон», «Ку-

1 "The Threat of Grexit Returns," Carnegie Europe, February 9, 2017, accessed July 7, 2021, <https://carnegieeurope.eu/strategieurope/67949>.

2 Капитонова et al. 2020.

3 Tamiz, Johnson 2015.

валда», «План клетка») стали сотни отставных и действующих военных, видных общественных и государственных деятелей.

Вторым ключевым событием стал конституционный референдум 2010 г. Даже день его проведения был символично назначен на 12 сентября, 30-летнюю годовщину одного из самых кровавых военных переворотов в Турции. Поправки в основной закон лишили армию правовой автономии и урезали институциональные возможности военной элиты влиять на политический процесс через такие структуры, как Совет национальной безопасности (СНБ).

Наконец, очередная триумфальная победа ПСР на третьих с 2002 г. парламентских выборах в 2011 г. (партия получила 49,8%) вселила в Р. Эрдогана ощущение полного карт-бланша и возможности успешно осуществить слияние партийного аппарата с государственным. Обновление бюрократической номенклатуры, которое осуществлялось в популистской манере с наклеиванием ярлыков и обвинениями в отрыве от народа, в полной мере затронуло и Министерство иностранных дел, которое в 2009 г. возглавил А. Давутоглу. Назначение на пост министра иностранных дел главного советника Р. Эрдогана по внешней политике ознаменовало начало нового наступления партийной номенклатуры на «старую бюрократию» и установление непосредственной связи и прямого подчинения процесса формирования внешней политики лидеру ПСР.

В результате внешняя политика Анкары стала резко отходить от принципов классического реализма, а ее стержнем выступили концепции А. Давутоглу, его идеи «стратегической глубины» Турции и «стратегии обнуления проблем с соседями». Упор на важность османского культурно-исторического наследия, хранителем которого объявлялась Турция, формировал альтернативную систему геополитических координат и внешнеполитических приоритетов. Ближний Восток стал точкой концентрации внешнеполитических ресурсов, в то время как сотрудничество с Западом ввиду его малой продуктивности к концу 2000-х гг. отошло на второй план.

Хотя летом 2014 г. А. Давутоглу перестал возглавлять МИД, заняв пост премьер-министра, а в 2016 г. ушел в отставку и вскоре покинул ряды ПСР, его идеи фактически остались базисом внешней политики Турции¹, которая и в начале 2020-х гг. характеризовалась, с одной стороны, комбинацией правопопулистской и исламистской риторики, с другой – концентрацией внимания на регионе Большого Ближнего Востока как зоне приоритетных интересов. И поскольку ни популизм, ни исламизм не формировали прочного идейно-политического базиса, амплитуда колебаний внешнеполитического курса могла быть достаточно большой, что хорошо проиллюстрировали флуктуации в политике Анкары на сирийском направлении.

С избранием Р. Эрдогана на пост президента Турции в 2014 г. все важные внешнеполитические решения стали вырабатываться и формулироваться узким кругом его советников. Монополизация внешней политики президентом привела к тому, что на смену стратегии поиска консенсуса и выработки компромиссов на дипломатическом уровне пришел ситуативный подход к принятию

1 Baykan 2018.

решений, ориентирующий во многом лишь на текущую конъюнктуру, а приоритетным механизмом реализации внешней политики стало «ручное управление» и двусторонние контакты на высшем уровне. В обход ранее устоявшейся процедуры, координируемой Советом национальной безопасности Турции, Р. Эрдоган предпочел лично вести диалог с главами других государств практически по всем вопросам.

На этом фоне существенным изменениям подверглась кадровая политика МИДа. Ключевые посты в ведомстве и руководящие позиции в дипмиссиях нередко занимали люди без опыта дипломатической работы. Более того, сузились и операционные возможности самого министерства. В 2010-е гг. Р. Эрдоган инициировал создание сразу нескольких ведомств, которые функционально стали дублировать МИД и вторгаться в сферу его непосредственной ответственности: Совет по координации общественной дипломатии (*Kamu Diplomasisi Koordinasyon Kurulu*), Управление по делам соотечественников и проживающих за рубежом турок (*Yurtdışı Türkler ve Akraba Topluluklar Başkanlığı*), фонд-вакф «Просвещение» (*Maarif Vakfı*). Все новые структуры вводились в прямое подчинение президенту. В 2010-е гг. сложилась парадоксальная ситуация, когда в вопросах внешней политики Национальная разведывательная организация и ее глава Х. Фидан стали играть первую скрипку, а МИД вместе с профильными ведомствами оказались на вторых ролях. При этом окончательно внешнеполитический курс страны формулировался узким кругом советников президента Р. Эрдогана, подобранных не столько по профессиональным критериям, сколько исходя из личной преданности главе государства¹.

Параллельно расширялись полномочия созданных ранее структур, задействованных во внешнеполитической деятельности – таких как Турецкое агентство по сотрудничеству и координации (*Türk İşbirliği ve Koordinasyon Ajansı Başkanlığı – TİKA*) и Управление по делам религии (*Diyanet İşleri Başkanlığı – Diyanet*)². В результате у Р. Эрдогана появилась возможность прямого ручного управления внешней политикой и механизмы детального контроля любой внешнеполитической деятельности. Р. Эрдоган стал основным центром определения характера тех или иных внешнеполитических процессов.

Масштабные массовые протесты лета 2013 г., начавшиеся в форме выступлений «защитников парка Гези» в центре Стамбула и затем охватившие практически всю страну, дали возможность представить мирный гражданский протест как попытку свергнуть законно избранное правительство. Протестующих официально объявили агентами иностранных спецслужб и проводниками интересов враждебных внешних сил. В итоге Запад и все, кто выступал пособником «западного империализма», стали главными объектами негативной риторики турецких властей. Все враждебные Турции силы и явления были объединены понятием-концепцией «закулисного злодея-кукловода», «враждебного сверхразума», направленного на сдерживание Турции и нивелирование успехов ее социально-экономического и политического развития³. С середины 2010-х гг.

1 Neset et al. 2019.

2 Sevin 2017.

3 Taş 2020.

концепт «враждебного сверхразума» (*üst akıl*) наряду с «Террористской организацией Фетхуллаха Гюлена» (*Fetullahçı Terör Örgütü – FETÖ*) стал основой конспирологических теорий в стране¹.

С одной стороны, вытеснение старой бюрократии и лишение ее возможности влиять на внешнеполитический курс, с другой – заметное снижение активности ЕС и США на Ближнем Востоке привели к расширению поля для маневра Турции и дали возможность на практике реализовать потенциал «стратегической глубины» Турции.

Осознание бесперспективности попыток добиться полноправного членства в ЕС и общий кризис в отношениях с Брюсселем, у которого оставалось все меньше эффективных инструментов давления на Турцию, привели к фактическому замораживанию переговорного процесса. Финансовые проблемы ряда стран ЕС и европейский долговой кризис объективно снизили привлекательность ЕС. И Анкара со все меньшим энтузиазмом и готовностью шла на выполнение Копенгагенских критериев и требований Еврокомиссии. Кроме того, главное препятствие на пути в ЕС («кипрская проблема») с конца 2000-х гг. представлялось практически непреодолимым. Правительство Турции не скрывало разочарования из-за провала референдума по Кипру в 2004 г. и, соответственно, плана К. Аннана, полностью возлагая вину на Грецию, заблокировавшую его реализацию. Раздражение вызывал и тот факт, что Кипр в 2004 г. вошел в ЕС, а Турция так и осталась в статусе страны-кандидата. Учитывая политическую и экономическую блокаду Турецкой Республики Северного Кипра, у Турции оставалось все меньше стимулов для поиска компромиссов ради продвижения переговорного процесса с Брюсселем.

С этой точки зрения внешняя политика Турции 2010-х гг. резко контрастировала с периодом 2000-х гг., когда приоритетным считалась кооперация и сопряжение интересов Анкары и Брюсселя на региональном уровне. Это хорошо видно на примере ближневосточной политики Анкары. Турция не искала возможностей сотрудничества с ЕС после «арабской весны», лишь публично обвиняя Брюссель в бездействии и неспособности остановить гражданскую войну в Сирии и нежелании выступить против переворота в Египте.

Критика ЕС и антизападная риторика в 2010-е гг. стала характерна и для оппозиционных партий, которые, как и ПСР, осуждали двойные стандарты европейских лидеров по отношению к Турции² и демонстративное сотрудничество США с сирийскими курдами из Партии демократического союза и других группировок. Последнее особенно раздражало турецких националистов.

Даже в вопросе сирийских беженцев и урегулирования миграционного кризиса правительство Турции не видело возможности для полноценного сотрудничества с ЕС, а по большей части использовало фактор беженцев как инструмент давления на Брюссель и предмет торга для получения финансовой помощи вместе с другими преференциями.

Ближний Восток в широком понимании этого географического понятия стал главным полигоном реализации внешней политики Турции в 2010-е гг.,

1 Karaosmanoğlu 2021, 77–99.

2 Balkir, Eylemer 2016, 38–39.

где разыгрывалась в том числе и исламистская карта. Как справедливо отмечали в своей статье, препарирующей содержание внешней политики ПСР, Б. Коп и О. Зихниоглу, «поддерживая умеренные исламистские силы в разных странах региона, Анкара стремилась объединить их в своеобразную цепь солидарности под предводительством Турции»¹.

В 2010-е гг. Турция не стремилась искать точки совпадения интересов с ЕС и США и возможности для их сопряжения, как это было характерно для предшествующего десятилетия. Приоритетным для Анкары представлялось обеспечение свободы маневра и создания основы для наступательного наращивания своего влияния в регионе. Такую логику можно увидеть в желании Турции на начальном этапе «арабской весны» выступать посредником между противоборствующими сторонами – пошатнувшимися режимами и оппозиционными силами. Успехов на этом поприще Анкара не добилась ввиду ограниченности возможностей и негативной реакции на турецкую активность². Обаяние «турецкой модели» и инструменты «мягкой силы» в новых условиях уже не работали, поэтому Турция стала искать новых союзников в регионе, которыми стали Катар, египетские «Братья-мусульмане» и сирийская оппозиция.

Поддержку сирийской оппозиции многие сочли одной из «аномалий внешней политики Турции», поскольку еще совсем недавно, в 2000-е гг., Р. Эрдоган укреплял личную дружбу с Б. Асадом и немало сделал для налаживания турецко-сирийских отношений. Более того, быстро выяснилось, что значительная часть поддерживаемых Турцией группировок сирийской оппозиции оказалась джихадистами. Это обстоятельство вызвало шквал критики на Западе. Европейские и американские политики открыто обвинили Р. Эрдогана в сотрудничестве с радикальными и экстремистскими силами на Ближнем Востоке³, при том что Турция вошла в международную антитеррористическую коалицию по борьбе с «Исламским государством».

Своим американским и европейским критикам Р. Эрдоган ответил усилением антизападной риторики и наращиванием экономического, а затем и военно-политического партнерства с Россией. Сотрудничество с Москвой для Анкары, особенно на ближневосточном направлении, было непростым, учитывая диаметрально противоположные позиции по отношению к режиму Б. Асада, трагедию со сбитым российским Су-24, спровоцировавшую 7-месячный период жесткой конфронтации, расхождения по Идлибу, особенно обострившиеся в 2020 г., перекрещивающиеся интересы в Ливии. Укрепляя взаимодействие с Россией даже в таких чувствительных сферах, как оборона, и идя на заключение соглашений о поставках комплексов С-400, Турция демонстрировала Западу свои возможности по выстраиванию альтернативного баланса сил в ситуации, когда ни Вашингтон, ни Брюссель не были готовы должным образом принимать во внимание интересы Анкары. При этом увлечение антизападной риторикой, которая в 2010-е гг. стала неотъемлемой частью политической идентичности ПСР,

1 Cop, Zihnioglu 2015, 35–36.

2 Yükselen 2020, 223–224.

3 Robert W. Pearson, and Gregory Kist, "Turkey's Dangerous Dance with Radicalism," Politico, January 13, 2016, accessed July 7, 2021, <https://www.politico.eu/article/turkeys-dangerous-dance-with-radicalism-erdogan-islam-syria/>.

не позволяло Анкаре в кризисные моменты взаимоотношений с Москвой оперативно переключаться на сотрудничество с Западом и реализовать потенциал совпадающих интересов.

В целом в 2010-е гг. внешняя политика Анкары стала менее зависимой от «фактора США и ЕС», что позволило Турции проводить более автономный внешнеполитический курс, который после успешно осуществленной консолидации власти в руках Р. Эрдогана в большей степени отражал исламистскую политическую идентичность ПСР. При этом декларативное стремление занять более независимое и автономное положение в системе международных отношений вылилось в стратегию развития преимущественно двустороннего формата взаимодействия с различными странами, в результате чего Турция, которая долгое время воспринималась последовательной сторонницей регионального сотрудничества и интеграции, стала во многих аспектах регионально изолированной страной. Стремление присоединиться к ЕС перестало быть драйвером турецкой политики, а на смену союзническим отношениям с Западом пришли новые ситуативные альянсы с Катаром и «Братьями-мусульманами», а также маятниковое сотрудничество с Россией.

Анализ изменений во внешней политике Турции за три десятилетия после окончания холодной войны с учетом динамики внутренней политики, международного контекста и трансформации идейного и институционального обеспечения внешней политики дает возможность более точно прояснить ключевые детерминанты и логику ее изменения. В каждый из трех рассматриваемых периодов внешняя политика Турции реализовывалась в условиях различного соотношения внутренних и внешних факторов. При этом каждое из десятилетий, прошедших с распада биполярной системы, по сути, продемонстрировало существенные флуктуации во внутренней политике Турции, менялся также международный контекст реализации внешней политики, трансформировалась и сама внешнеполитическая линия Турции, ставя под сомнение ранее казавшиеся неизблемыми константы ее воплощения. Внешнеполитические установки самой Турции и международная система координат, в которой она реализовывалась, перестали быть данностью. Подверглись ревизии и идейные ориентации во внешней политике.

Конец холодной войны породил в Турции опасения потери «геополитической ценности» и превращения в глазах европейских и американских лидеров в «выпавшее звено» западной системы международной безопасности. Учитывая то, что в 1990-е гг. региональные конфликты не пошли на спад, а набор горячих точек только расширился (войны в Персидском заливе, Югославии, Нагорном Карабахе, Чечне), потенциально такой расклад сулил Анкаре безрадостную перспективу остаться один на один с нарастающей региональной напряженностью. Однако на новые вызовы постбиполярного мира и коренные изменения внешнеполитической конъюнктуры Турция в 1990-е гг. отвечала, используя привычный инструментарий времен холодной войны – крепила отношения с западными союзниками и убеждала их в стратегической важности

Турции в критически важных с точки зрения общеевропейской безопасности регионах: на Ближнем Востоке и в Центральной Азии. Подобная стабильность и преемственность внешнеполитического курса в 1990-е гг. обуславливалась отнюдь не консервативностью взглядов правящей партии, а тем, что в условиях слабых коалиционных правительств задачи по выработке и реализации внешней политики фактически решались не сменяющими друг друга премьер-министрами и формальными руководителями МИД, а бюрократией среднего звена – профессиональными дипломатами, воспитанными в категориях классического реализма, концепции баланса сил и кемалистской традиции с ее приматом прозападной ориентации.

Опасения негативных последствий от утраты былого стратегического значения для Запада подталкивали Турцию к активному развитию отношений с Европой, определяли ее стремление к полноправному членству в общеевропейских международных структурах и готовность к расширению сотрудничества в самых разных сферах – от экономики до безопасности, нередко заставляя идти на невыгодные компромиссы.

Приход к власти в 2002 г. ПСР, сформировавшей впервые за десятилетия сменяющих одного за другим премьеров сильное однопартийное правительство, мало что изменил во внешней политике Турции, которая продолжала реализовываться в фарватере кемалистского прозападного курса. Отчасти это объяснялось нехваткой собственных кадров для замещения ответственных постов в МИД, из-за чего даже столь неординарным фигурам, как А. Давутоглу было крайне затруднительно преодолевать инерцию сплоченной корпорации мидовской бюрократии, а частично – отсутствием единодушия в вопросах внешней политики в рядах самой ПСР.

Тем не менее в 2000-е гг. можно отчетливо увидеть диффузию сохранения в целом преемственности кемалистской прозападной внешней политики и поиска адекватных ответов на меняющуюся глобальную и региональную конъюнктуру. Парадоксальным образом в 2000-е гг. главным раздражителем для Турции выступало присутствие в регионе военного контингента их главного союзника по НАТО – США, которые фактически вызвали обострение «курдского вопроса» и подтолкнули Анкару к наращиванию взаимодействия по линии безопасности с ЕС в рамках европейской Общей внешней политики и политики безопасности. При этом в сближении с ЕС ярко проявился политический прагматизм Р. Эрдогана, который ускорением евроинтеграции укреплял свои позиции внутри страны, атакуя своих принципиальных противников в лице военной элиты, и компенсировал неготовность США солидаризироваться с Турцией в решении «курдского вопроса». Внешнеполитическое хеджирование не ограничивалось европейским направлением. Схожую логику можно было наблюдать в Центральной Азии и на Ближнем Востоке, а также в рамках курса на максимальное расширение географии политического участия в международных структурах.

Фундаментальную трансформацию внешней политики Турции хронологически правильно локализовать рубежом 2000-х и 2010-х гг. Этот процесс определили четыре фактора: последствия мирового экономического кризиса, «арабская весна», общенациональные протесты лета 2013 г. и попытка государственно-

го переворота 2016 г. Важнейшим драйвером трансформации внешней политики в 2010-е гг. выступили внутривластные факторы, серьезным образом изменившие не только содержание внешнеполитического курса, но и механизмы его институционального воплощения, в результате чего все нити управления внешнеполитическим процессом сконцентрировались в руках одного человека – президента Р. Эрдогана.

В итоге внешняя политика Анкары стала резко отходить от принципов классического реализма, а ее стержнем выступили концепции А. Давутоглу, его идеи «стратегической глубины» Турции. Упор на важность османского культурно-исторического наследия, хранителем которого объявлялась Турция, формировал альтернативную систему геополитических координат и внешнеполитических приоритетов. Ближний Восток стал точкой концентрации внешнеполитических ресурсов, в то время как политическое сотрудничество с Западом ввиду его малой продуктивности к концу 2000-х гг. отошло на второй план.

Осознание бесперспективности попыток добиться полноправного членства в ЕС и общий кризис в отношениях с Брюсселем, у которого оставалось все меньше эффективных инструментов давления на Турцию, привели к фактическому замораживанию переговорного процесса. С этой точки зрения внешняя политика Турции 2010-х гг. резко контрастировала с периодом 2000-х гг., когда приоритетным направлением считалась кооперация и сопряжение интересов Анкары и Брюсселя на региональном уровне. Турция больше не искала возможностей расширения сотрудничества с ЕС, лишь публично обвиняя Брюссель в двойных стандартах и недееспособности. Даже в вопросе сирийских беженцев и урегулирования миграционного кризиса правительство Турции не видело возможности для полноценного сотрудничества с ЕС, а по большей части использовало фактор беженцев как инструмент давления и шантажа.

В 2010-е гг. с минимизацией зависимости от «фактора США и ЕС» и окончательной консолидацией всех нитей управления внешней политикой в руках президента Р. Эрдогана внешнеполитический курс Анкары стал более автономным, ярче отразил исламскую идентичность правящего режима. Однако ограниченность геополитического потенциала Турции как «державы среднего уровня» привела к тому, что декларативная автономность в системе международных отношений фактически редуцировалась до стратегии развития преимущественно двусторонних отношений с различными странами. В результате Турция, долгое время воспринимавшаяся последовательной сторонницей регионального сотрудничества и интеграции, стала во многих аспектах регионально изолированной страной. Подобное развитие событий, с одной стороны, стало результатом динамики комплекса внутренних и внешних факторов, с другой – сформировало целый ряд новых противоречий, которые, по-видимому, станут движущими силами дальнейших трансформаций внешней политики Турции в новом десятилетии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Гаджиев, А.Г. Турция – ЕС: проблемы и перспективы развития отношений (1963–2019 гг.). М.: ИВ РАН, 2020. – 375 с.
- Gadzhiyev, Amur G. *Turcija – ES: problemy i perspektivy razvitiya otnoshenij (1963–2019 gg.)*. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS, 2020 [In Russian].
- Дружиловский, С.Б., Аватков, В.А. Внешнеполитические идеологии Турции (2002–2012 гг.) // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. – 2013. – № 6 (281). – С. 73–88.
- Druzhilovskij, Sergey B., Avatkov Vladimir A. "Vneshnepoliticheskie ideologymy Turcii (2002–2012 gg.)." *Nauchno-analiticheskij zhurnal Obzrevatel' – Observer* 6, no. 281 (2013): 73–88 [In Russian].
- Иванова, И.И. Эволюция ближневосточной политики Турецкой Республики в XX–XXI вв. М.: Издатель Воробьев А.В., 2019. – 380 с.
- Ivanova, Inessa I. *Jevolucija blizhnvestochnoj politiki Tureckoj Respubliki v XX–XXI vv.* Moscow: Publishing House of Vorob'jov A.V., 2019 [In Russian].
- Капитонова, Н.К., Магадеев, И.Э., Печатнов, В.О. и др. Правый популизм: глобальный тренд и региональные особенности. – М.: МГИМО-Университет, 2020. – 404 с.
- Kapitonova, Natalia K., Magadeev, Iskander Je., Pechatnov, Vladimir O. et al. *Pravyy populizm: global'nyj trend i regional'nye osobennosti*. Moscow: MGIMO-Universitet, 2020 [In Russian].
- Киреев, Н.Г. История Турции XX век. М.: ИВ РАН, 2007. – 608 с.
- Kireev, Nikolay G. *Istorija Turcii XX vek*. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS, 2007 [In Russian].
- Киреев, Н.Г. Исламо-турецкий синтез в государственной идеологии Турции // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке. – 2015. – № 9. – С. 229–240.
- Kireev, Nikolay G. "The Islamic-CUM-Turkish Synthesis in the State Ideology of Turkey." *Islam na Blizhnem i Srednem Vostoke*, no. 9 (2015): 229–240 [In Russian].
- Кудряшова, Ю.С. Турция и Европейский Союз: история, проблемы и перспективы взаимодействия. Москва: Ин-т Ближнего Востока, 2010. – 364 с.
- Kudrjashova, Julia S. *Turcija i Evropejskij Sojuz: istorija, problemy i perspektivy vzaimodejstija*. Moscow: Institute of the Middle East, 2010 [In Russian].
- Надеин-Раевский, В.А. Внешняя политика Турции: ветры перемен // Мировая экономика и международные отношения. – 2013. – № 2. – С. 84–92. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2013-2-84-92>.
- Nadein-Raevskij, Victor A. "Turkey's Foreign Policy: Winds of Change." *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 2 (2013): 84–92 [In Russian].
- Надеин-Раевский, В.А. Идеальная борьба и «новая Турция» // Вестник МГИМО Университета. – 2016. – № 2 (47). – С. 22–31. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2016-2-47-22-31>.
- Nadein-Raevskiy, V. A. "The Struggle of Ideas and 'The New Turkey.'" *MGIMO Review of International Relations*, no. 2 (47) (April 28, 2016): 22–31 [In Russian].
- Свистунова, И.А. Иракский фактор во внешней политике Турецкой Республики (1990–2007 гг.) М: Институт Ближнего Востока, 2008. – 216 с. http://book.iimes.su/wp-content/uploads/2008/r2008tur_p.pdf.
- Svistunova, Irina A. *Irakskij faktor vo vneshnej politike Tureckoj Respubliki (1990–2007 gg.)*. Moscow: Institut Blizhnego Vostoka, 2008 [In Russian].
- Стародубцев, И.И. Трансформирующаяся Турция. М.: Ин-т Ближнего Востока, 2011. – 256 с.
- Starodubcev, Ivan I. *Transformirujushhajasja Turcija*. Moscow: Institute of the Middle East, 2011 [In Russian].
- Шлыков, П.В. Ближневосточная дилемма безопасности Турции: от сотрудничества с Западом в борьбе с терроризмом к опоре на джихадистов в региональной геополитике // Актуальные проблемы Европы. – 2017А. – № 4. – С. 35–65.
- Shlykov, Pavel V. "Blizhnvestochnaja dilemma bezopasnosti Turcii: ot sotrudnichestva s Zapadom v bor'be s terrorizmom k opore na dzhihadistov v regional'noj geopolitike." *Current Problems of Europe*, no. 4 (2017A): 35–65 [In Russian].
- Шлыков, П.В. Евразийство и евразийская интеграция в политической идеологии и практике Турции // Сравнительная политика. – 2017В. – 8 (1). – С. 58–76. <https://doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-1-58-76>.
- Shlykov, Pavel V. "Eurasianism and Eurasian Integration in the Political Ideologies and Practice of Turkey." *Comparative Politics Russia* 8, no. 1 (2017B): 58–76 [In Russian].
- Шлыков, П.В. Трансформация региональной политики Турции в условиях конкурентной полицентричности на Ближнем Востоке (2000–2010-е годы) // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2019. – 11 (2). – С. 65–106.
- Shlykov, Pavel V. "Competitive Multipolarity in the Middle East and the Transformation of Turkey's Regional Policies in the 2000s and 2010s." *Moscow University Bulletin of World Politics* 11, no. 2 (2019): 65–106 [In Russian].
- Balkir, Canan, and Sedef Eylemer. "Shifting Logics: The Discourses of Turkish Political Elites on EU Accession." *South European Society and Politics* 21, no. 1 (2016): 29–43. <https://doi.org/10.1080/13608746.2016.1147523>.
- Başer, Ekrem T. "Shift-of-axis in Turkish Foreign Policy: Turkish National Role Conceptions before and during AKP Rule." *Turkish Studies* 16, no. 3 (2015): 291–309. <https://doi.org/10.1080/14683849.2015.1050958>.
- Baykan, Toygar Sinan. *The Justice and Development Party in Turkey: Populism, Personalism, Organization*. London: Cambridge University Press, 2018.
- Çağaptay, Soner. "Is Turkey Leaving the West? An Islamist Foreign Policy Puts Ankara at Odds with its Former Allies." *Foreign Affairs – online*, (October 26, 2009). <https://www.foreignaffairs.com/articles/turkey/2009-10-26/turkey-leaving-west>.
- Çakmak, Haydar, ed. *Türk Dış Politikası*, 1919–2008. Ankara: Platin, 2008.
- Çakmak, Haydar, ed. *Turkish Foreign Policy*, 1919–2008. Ankara: Platin, 2008 [In Turkish].
- Cohen, Ariel. "Washington Concerned as Turkey Leaving the West." *Turkish Policy Quarterly* 9, no. 3 (2010): 25–35.
- Cop, Burak, and Özge Zihnioglu. "Turkish Foreign Policy under AKP Rule: Making Sense of the Turbulence." *Political Studies Review* 15, no. 1 (2015): 28–38. <https://doi.org/10.1111/1478-9302.12088>.
- Criss, Bilge. "Turkish Foreign Policy Toward the Middle East." *Middle East Review of International Affairs*, no. 1 (January 1997). https://ciaotest.cc.columbia.edu/olj/meria/meria97_criss.html.

Dahlman, Carl. "Turkey's Accession to the European Union: The Geopolitics of Enlargement." *Eurasian Geography and Economics* 45, no. 8 (2004): 553–574. <https://doi.org/10.2747/1538-7216.45.8.553>.

Elekdağ, Şükrü. "2 2/1 War Strategy." Perception 1, no. 1 (1996). <http://sam.gov.tr/pdf/perceptions/Volume-I/march-may-1996/SukruElekdag.pdf>.

Ercan, Pinar, ed. *Turkish Foreign Policy. International Relations, Legality and Global Reach*. London: Palgrave Macmillan, 2017.

Gilpin, Robert. *Global Political Economy: Understanding the International Economic Order*. New York: Princeton University Press, 2001.

Gönlübol, Mehmet et. al. *Olaylarla Türk Dış Politikası (1919–1995)*. 9. Baskı. Ankara: Siyasal Kitabevi, 1996.

Gönlübol, Mehmet et. al. *Turkish Foreign Policy with Events (1919–1995)*. 9th Edition. Ankara: Siyasal Kitabevi, 1996 [In Turkish].

Gözen, Ramazan. "75. Yılında Türk Dış Politikasının Değerlendirilmesi." *Yeni Türkiye* 4, no. 23–24 (1998): 1343–1360.

Gözen, Ramazan. "The Assessment of Turkish Foreign Policy in the 75th Anniversary." *Yeni Türkiye [New Turkey]* 4, no. 23–24 (1998): 1343–1360 [In Turkish].

Gunter, Michael M. "Erdoğan and the Decline of Turkey." *Middle East Policy* 23, no. 4 (2016): 123–135. <https://doi.org/10.1111/mepo.12238>.

Gunter, Michael M., and M. Hakan Yavuz. "Turkish Paradox: Progressive Islamists versus Reactionary Secularists." *Critique: Critical Middle Eastern Studies* 16, no. 3 (2007): 289–301. <https://doi.org/10.1080/10669920701616633>.

Hale, William. *Turkish Foreign Policy since 1774*. The 3rd edition. London: Routledge, 2012.

Kara, Mehtap, and Ahmet Sözen. "Change and Continuity in Turkish Foreign Policy: Evaluating pre-AKP and AKP Periods' National Role Conceptions." *Uluslararası İlişkiler* 13, no. 52 (2016): 47–66.

Karaosmanoğlu, Kerem. "The Discourse of üst akıl: a Search for Hegemony in the Turkish Media." *Southeast European and Black Sea Studies* 21, no. 1 (2021): 77–99. <https://doi.org/10.1080/10683857.2021.1872233>.

Keyman, E. Fuat. "Modernity, Secularism and Islam: The Case of Turkey." *Theory, Culture & Society* 24, no. 2 (2007): 215–234. <https://doi.org/10.1177/0263276407075008>.

Kirişçi, Kemal. "The Transformation of Turkish Foreign Policy: The Rise of the Trading State." *New Perspectives on Turkey* 40 (2009): 29–56. <https://doi.org/10.1017/S0896634600005203>.

Kılınc, Ramazan. "İdeoloji ve Dış Politika: Türkiye'de Kemalist (1930–1939) ve İslamcı (2011–2015) Dış Politikaların Karşılaştırmalı Bir Analizi." *Uluslararası İlişkiler* 13, no. 52 (2006): 67–88.

Kılınc, Ramazan. "Ideology and Foreign Policy: The Comparative Analysis of Kemalist (1930–1939) and Islamist (2011–2015) Foreign Policy." *Uluslararası İlişkiler [International Relations]* 13, no. 52 (2006): 67–88 [In Turkish].

Müftüler-Bac, Meltem. "Turkey's Predicament in the Post-Cold War Era." *Futures* 28, no. 3 (1996): 255–268. [https://doi.org/10.1016/0016-3287\(96\)00005-5](https://doi.org/10.1016/0016-3287(96)00005-5).

Müftüler-Bac, Meltem. "Turkish Foreign Policy, its Domestic Determinants and the Role of the European Union." *South European Society and Politics* 16, no. 2

(2011): 279–291. <https://doi.org/10.1080/13608746.2011.577947>.

Neset, Siri, Mustafa Aydın, Hasret Dikici Bilgin, Metin Gürcan, Arne Strand. *Turkish Foreign Policy: Structures and Decision-making Processes*. (CMI Report R 2019: 3). <https://www.cmi.no/publications/6854-turkish-foreign-policy-structures-and-decision-making-processes>.

Oğuzlu, Tarık. "Middle Easternization of Turkey's Foreign Policy: Does Turkey Dissociate from the West?" *Turkish Studies* 9, no. 1 (2008): 3–20. <https://doi.org/10.1080/14683840701813960>.

Oktav, Özden Zeynep, ed. *Turkey in the 21st Century. Quest for a New Foreign Policy*. London: Routledge, 2011.

Onar, Nora Fisher. "Echoes of a Universalism Lost: Rival Representations of the Ottomans in Today's Turkey." *Middle Eastern Studies* 45, no. 2 (2009): 229–241. <https://doi.org/10.1080/00263200802697290>.

Öniş, Ziya, and Mustafa Kutlay. "Rising Powers in a Changing Global Order: The Political Economy of Turkey in the Age of BRICS." *Third World Quarterly* 34, no. 8 (2013): 1409–1426. <https://doi.org/10.1080/01436597.2013.831541>.

Oran, Baskın, ed. *Türk Dış Politikası: Kurtuluş Savaşından Bugüne Olgular, Belgeler, Yorumlar*. Cilt 1–3. İstanbul: İletişim Yayınları, 2006–2013.

Oran, Baskın, ed. *Turkish Foreign Policy: From the War of Independence to Nowadays. Facts, Documents, Commentaries*. Volumes 1–3. İstanbul: İletişim Yayınları, 2006–2013 [In Turkish].

Özer-İmer, İtir; Kugler, Jacek, and Hilton L. Root. "Turkey and the West: Bargaining for Realignment." *Journal of Contemporary European Studies* 21, no. 2 (2013): 218–251. <https://doi.org/10.1080/14782804.2013.815465>.

Özkan, Behlül. "Turkey, Davutoğlu and the Idea of Pan-Islamism." *Survival* 56, no. 4 (2014): 119–140. <https://doi.org/10.1080/00396338.2014.941570>.

Öztürk, Asiye. "Turkey – Europe's Bridge to the Middle East." *Israel Journal of Foreign Affairs* 2, no. 2 (2015): 73–78. <https://doi.org/10.1080/23739770.2008.11446314>.

Sevin, Efe. *Public Diplomacy and the Implementation of Foreign Policy in the US, Sweden and Turkey*. London: Palgrave Macmillan, 2017.

Sönmezoğlu, Faruk, ed. *Türk Dış Politikasının Analizi*. İstanbul: Der Yayınları, 1994.

Sönmezoğlu, Faruk, ed. *The Analysis of Turkish Foreign Policy*. İstanbul: Der Yayınları, 1994 [In Turkish].

Sönmezoğlu, Faruk. II. *Dünya Savaşı'ndan günümüze: Türk dış politikası*. İstanbul: Der Yayınları, 2006.

Sönmezoğlu, Faruk. *From the Second World War to Nowadays: Turkish Foreign Policy*. İstanbul: Der Yayınları, 2006 [In Turkish].

Sözen, Ahmet. "A Paradigm Shift in Turkish Foreign Policy: Transition and Challenges." *Turkish Studies* 11, no. 1 (2010): 103–123. <https://doi.org/10.1080/14683841003747062>.

Tamiz, Sam, and Henry Johnson. "How Iran Dominates the Middle East." *National Interest*, (June 18, 2015). <https://nationalinterest.org/feature/how-iran-dominates-the-middle-east-13136>.

Taş, Hakkı. "The Chronopolitics of National Populism." *Identities. Global Studies in Culture and Power – Online*, (March 5, 2020). <https://doi.org/10.1080/1070289X.2020.1735160>.

Turunç, Hasan. "The Post-Westernisation of EU-Turkey Relations." *Journal of Contemporary European Studies* 19, no. 4 (2011): 535–546. <https://doi.org/10.1080/14782804.2011.639989>.

Uslu, Nasuh. *Turkish Foreign Policy in the Post-Cold War Period*. London: Nova Science Publishers, 2004.

Yalvaç, Faruk. "Approaches to Turkish Foreign Policy: A Critical Realist Analysis." *Turkish Studies* 15, no. 1 (2014): 117–138. <https://doi.org/10.1080/14683849.2014.892238>.

Yeşilyurt, Nuri. "Explaining Miscalculation and Maladaptation in Turkish Foreign Policy Toward the Middle East during the Arab Uprisings: A Neoclassical Realist Perspective." *All Azimuth: A Journal of Foreign Policy and Peace* 6, no. 2 (2017): 65–83. <https://doi.org/10.20991/allazimuth.310151>.

Yükselen, Hasan. *Strategy and Strategic Discourse in Turkish Foreign Policy*. London: Palgrave Macmillan, 2020.

Сведения об авторе

Павел Вячеславович Шлыков,

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник Отдела Азии и Африки ИНИОН РАН, участник научного коллектива проекта «Многофакторный анализ «азиатского поворота» в российской внешней политике (достижения, проблемы, перспективы)» МГИМО МИД России, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», Ленинские горы 1, Москва, 119991.

e-mail: shlykov@iaas.msu.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 5 марта 2021.

Переработана: 6 июня 2021.

Принята к публикации: 3 августа 2021.

Сведения о финансировании

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00142).

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Шлыков, П.В. Внешняя политика Турции в постбиполярной системе координат // Международная аналитика. – 2021. – Том 12 (2). – С. 130–152.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-2-130-152>

Turkey's Foreign Policy in the Post-Bipolar System of Coordinate

ABSTRACT

Turkey's foreign policy in the first decade after the collapse of the bipolar system retained features of its continuity in comparison with the Cold War: the Kemalist principles of laicism and the choice in favor of further Westernization, with its orientation towards cooperation with the EU and Euro-Atlantic structures remained firmly in place. However, the post-bipolar period demonstrated a significant change in Turkey's foreign policy. The existing explanations for this phenomenon often start either from the appeal to the Islamic identity of the Justice and Development Party as the main reason for the changes, or from the approaches that prioritize Turkey's economic interests and emphasize Turkey's attempts to strengthen economic interdependence with neighbors in the region. Given the increasing complexity of the domestic and foreign policy nexus and the increasingly fluid

characteristics of the international environment, it seems that an analysis of Turkish foreign policy in the post-bipolar period requires an alternative conceptual and methodological approach that allows the changes in Turkey's foreign policy to be viewed along three dimensions. In this article, the author resorts to just such an approach. It includes the study of domestic policy, the international context and the transformation of the ideological and institutional support of foreign policy. This approach makes it possible to explain the logic of Turkey's «sudden» reorientation from cooperation with the EU and Western countries in general to attempts to consolidate its leading role in the Middle East and establish itself as a regional hegemon in relation to situational alliances with various state and non-state actors in the broader international context.

KEYWORDS

Turkish foreign policy, Middle East, pivot to Asia, Turkey–EU, Turkey–U.S., Russia–Turkey relations

Author

Pavel V. Shlykov,

PhD (History), Associate Professor of the Middle Eastern History Department, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University; senior Research Fellow, Department of Asia and Africa, INION, Russian Academy of Sciences; non-resident scholar in research project “Multifactor analysis of the ‘Turn to the East’ in Russian Foreign Policy (achievements, problems, and prospects)” MGIMO University, Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation.

e-mail: shlykov@iaas.msu.ru

Additional information

Received: March 5, 2021. Revised: June 6, 2021. Accepted: August 3, 2021.

Funding

The research was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project no. 19-18-00142).

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Shlykov, Pavel V. “Turkey’s Foreign Policy in the Post-Bipolar System of Coordinate.” *Journal of International Analytics* 12, no. 2 (2021): 130–152.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-2-130-152>